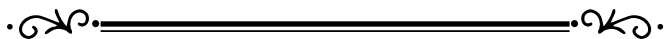

**Анна
Ахматова**

Анна Ахматова

Лирика

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А95

Серия «Народная поэзия»
Оформление художника *Е. Ененко*

Серия «Золотая коллекция поэзии»
Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использована фотография:
yvontrep / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ахматова, Анна Андреевна.

А95 Сероглазый король : лирика / Анна Ахматова. –
Москва : Издательство «Э», 2017. – 416 с.

ISBN 978-5-699-12143-4 (Народная поэзия)

ISBN 978-5-699-97402-3 (Золотая коллекция поэзии)

Поэзия Анны Ахматовой светла, мудра и прекрасна. Такой она и предстает перед читателем этого сборника, в который вошли лучшие лирические стихотворения великой поэтессы.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-12143-4
ISBN 978-5-699-97402-3

© Новгородова М.И., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

А МЕНЯ БУДУТ ЧИТАТЬ...

Однажды в квартире Пуниных на Фонтанке, где в то время жила и Анна Ахматова, собрались литераторы. Один сказал, что написал рассказ, который не будут читать, второй пожаловался, что и его роман «нечитабылен». Тему продолжил хозяин дома, искусствовед Николай Николаевич Пунин: дескать, и он только что закончил статью, которую тоже никто не прочтет, потому что сейчас вообще ничего не читают. Анна Андреевна, как правило, в подобных перепалках не участвовала, но на этот раз вдруг вмешалась в разговор... Эмма Григорьевна Герштейн на всю жизнь запомнила и эту сцену, и голос Ахматовой — «звучный и мелодичный», и ее реплику: «А меня будут читать». Между тем никаких реальных оснований для такой уверенности в себе, а главное, в своем читателе в феврале 1937-го у Анны Андреевны не было. И по видимости, и быть не могло! За двенадцать лет у нее не вышло ни одного сборника стихов! По сути дела, это был приговор к «гражданской смерти». Но она старалась жить — занималась изучением творчества Пушкина, опубликовала несколько замечательных работ, пушкинисты, в частных беседах, восхищались ее исследовательской интуицией. Однако на юбилейное заседание Пушкинского Дома, посвященное столетнему пушкинскому юбилею, ей не прислали даже гостевого билета... В начале двадцатых годов, вскоре после трагической гибели мужа (Николай Гумилев расстрелян по не доказанному обвинению как участник контрреволюционного заговора в августе 1921-го) Ахматова написала такие стихи:

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

Однако те удары, что ждали ее в будущем, оказались страшнее. Один за другим гибли в сталинских застенках дорогие ей люди: Осип Мандельштам, Борис Пильняк, Николай Пунин... Дважды получал бесконечно длинный каторжный срок ее единственный сын, будущий знаменитый историк Лев Гумилев. Самые масштабные ахматовские вещи — «Рекви-

ем» и «Поэму без героя» — не печатали в СССР даже в относительно либеральные хрущевские времена, а тоненькие сборнички 10-х и 20-х годов стали такой редкостью, что их не могла «достать» даже дочь вождя Светлана Сталина. И тем не менее Анна Ахматова продолжала писать стихи, друзья запоминали их «с голоса», и число читателей и почитателей не уменьшалось...

Узнав о смерти Анны Андреевны Ахматовой (5 марта 1966), Корней Иванович Чуковский сделал в своем Дневнике такую запись:

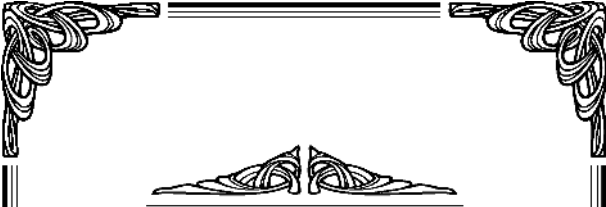
«Изумительно не то, что она умерла, а то, что она так долго могла жить после всех испытаний — светлая, величавая, гордая. Нужно теперь же начать составление ее мону-ментальной биографии. Это будет поучительная книга».

Мону-ментальная биография Анны Андреевны Ахматовой до сих пор не составлена, но поэтическая биография Анны Всея Руси, которую составляют ее стихи, — книга еще более поучительная, ибо действительно учит, вовсе о том не стараясь. Учит самому главному, и на личном опыте и примере: не отклонять, а принимать на себя и держать удары судьбы. И в любви, и в болезни, и на краю гибели. Но прежде всего, конечно, в любви, потому что мужество мужчины испытывается первой смертельной опасностью, а мужество женщины — первой любовной бедой.

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

Таким стихам не суждено выйти из моды или устареть, как не может устареть или выйти из моды то, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они любят друг друга...

Алла Марченко

Сердце,
будь же мудро...

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю...

Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...

В 1910 г. я вышла замуж за Н. С. Гумилева...

Вначале я писала очень беспомощные стихи, что Николай Степанович и не думал от меня скрывать. Он советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, например, танцами («Ты такая гибкая»). Осенью 1910 г. Гумилев уехал в Аддис-Абебу. Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, дом Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой), побывала и у мамы в Киеве, и сходила с ума от «Кипарисового ларца»*. Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, находила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает

* Сборник стихотворений И. Ф. Анненского; А. А. прочла «К. Л.» в начале 1910 г. (еще в корректуре) и, по ее словам, — «что-то поняла в поэзии».

удаваться. А тут и хвалить начали. А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе серебряного века!..

25 марта 1911 г. старого стиля (Благовещенье) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он между прочим спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт — надо делать книгу».

Анна Ахматова

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

1911

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

1

По аллее проводят лошадок,
Длинные волны расчесанных грив.
О пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить! Душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь — в глаза погляди,
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

3

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов.
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

1911

* * *

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу,
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы,
О только дайте греться у огня.
Мне холодно! Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

1911

* * *

Любовь покоряет обманно
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы.
Осенние травы.

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»...
— Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот,
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

1911

* * *

Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет,
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.

1911

* * *

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой,
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

1911

* * *

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...